

Введение

Российское общество входит в кризис в больном состоянии. Дееспособных структур гражданского общества не сложилось, партии и профсоюзы организующими институтами не являются, бизнес отказался от остатков этики солидарности. Население за постсоветский период практически полностью утратило навыки самоорганизации на уровне выше семей и близких друзей.

Государство остается единственной силой, способной организовать хозяйство, население и общество на сопротивление разрушительному воздействию кризиса. Для этого, однако, оно прежде всего должно «помочь себе», поскольку и само находится не в лучшей форме.

Большие опросы, проведенные с 2002 по 2005 гг., показали, что практически на всей территории РФ граждане примерно одинаково видят структуру угроз и выделяют в ней три примерно одинаковые по значимости блока:

- кризис власти и управления (около 35%);
- потеря российским обществом смысловых координат своего развития (31%);
- гегемонистская политика США и их стремление к мировому господству (30%).

Таким образом, в массовом сознании сложилось убеждение, что главные угрозы России порождены кризисом государственности, кризисом мировоззрения и осложнением международного положения России. Роль этих факторов с углублением кризиса возрастает.

Кризис государственности и срочные задачи

Угрозы реализуются вследствие слабости защитных сил системы (государства, общества, хозяйства и пр.). Выделим слабые точки государства в контексте нынешнего кризиса.

Представление о кризисе. Любая программа вырабатывается исходя из определенного образа реальности с помощью определенного набора познавательных инструментов (когнитивной структуры). Прошедший год показал, что когнитивная структура сообщества российских аналитиков и политиков, вырабатывающих доктрину преодоления кризиса, в ряде важных пунктов **неадекватна** реальности. От этого сообщества требуются объяснения причин ошибок, допущенных ими в суждениях о кризисе, а также срочной профессиональной работы по обновлению инструментов анализа. В противном случае государство и общество будут и дальше двигаться по пространству кризиса вслепую.

Очевидно, антикризисная программа может быть разработана лишь исходя из определенной трактовки самого понятия «**кризис**». Уходить от ясного определения сущности явления нельзя. 20 ноября 2008 г. В.В.Путин сказал, что «нынешний кризис, как вы знаете, подобен стихии. В рамках давно созданной и действующей

мировой финансовой системы его, как и природное бедствие, предотвратить было невозможно».

Метафора кризиса как стихийного явления не только ошибочна, она отражает важный методологический изъян – *натурализацию* общественных явлений. Кризис – творение современной культуры и не имеет ничего общего со стихией. Натурализация, представление результатов политических решений как «объективных» стихийных явлений, вытесняет из сознания категорию *ответственности*. Кризисы «давно созданной мировой финансовой системы» хорошо изучены и стали способом регулярной ликвидации «пузыря» денег, не обеспеченных реальными ценностями.

Метафора кризиса как стихии стала оправданием пассивного способа нейтрализации последствий кризиса через распределение денег из резервов государства. На деле кризис надо рассматривать как *особый тип бытия*, который должен быть особым образом организован. Обязанность правительства – выработать и представить обществу план организации бытия страны на период кризиса, в его главных чертах. Этого не сделано, общество пребывает в неопределенности, что усугубляет кризис.

Другая метафора, которую привлек В.В.Путин для объяснения причин кризиса – медицинская. Он сказал: «Кризис начался в Соединенных Штатах, которые, по сути, в результате своей финансовой и экономической политики довели до кризиса и «заразили» этим кризисом экономики практически всех ведущих стран мира».

Действительно, кризис можно уподобить социальному явлению – *болезни* общества (хозяйства, государства). Однако эта метафора ко многому обязывает. Во-первых, требуется объяснить, почему Россия, «заразившись» от США, не предохранялась от инфекции («не соблюдала правил гигиены»)? Кто и на каком основании отменил профилактические меры, которые в течение многих десятилетий предохраняли экономику России от этой заразы? Чем оплачен риск, которому подвергло экономику России правительство этими своими решениями?

А главное, уподобив кризис инфекционной болезни, правительство должно поставить ее диагноз и сообщить, какой болезнетворный агент является ее возбудителем. Против какого микроба или вируса нам предстоит бороться? Ход у каждой инфекционной болезни свой, лекарства и режимы больных совершенно различные. Ничего «врачи нашей экономики» об этом не сказали.

Снова подчеркнем: как и при болезни человека, на период кризиса необходимо создать *особый тип жизнеустройства*, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. Отличия определяются глубиной и продолжительностью кризиса.

При серьезной болезни человека, а тем более при эпидемии, меняется *образ жизни* и больных, и окружающих людей. Для защиты больного организма применяются *лекарства и процедуры*, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей. Иногда органы и ткани временно замещают искусственными устройствами (почка, легкие, даже сердце). В крайних случаях производят *хирургическое* вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации.

Из этой аналогии следует, что защита хозяйства от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто посредством дополнительного распределения тех ресурсов, которые оно получало в благополучное время. Предоставление государством финансовых средств, которые бы заменили прежние прибыль, кредиты или зарплату, не может быть эффективным *в принципе*. Они не лечат, как каша не лечит больного. Кризис требует изменения *образа жизни*. Это значит, необходимо создание новых социальных форм и ослабление или ликвидация (возможно, временная) тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Все большие и преодолённые кризисы были периодом интенсивного социального конструирования и создания новых форм общественной организации. Это общее правило: успешный выход из кризиса всегда сопряжен с глубоким обновлением социальной системы и, соответственно, технологического уклада.

Представление о кризисе: параметры и индикаторы. Для принятия рациональных решений по защите России необходимо достоверное *знание* о процессах, связанных с кризисом. Важной частью этого знания являются *описания* и *измерения* существенных сторон реальности. Инструментами для этого служат *параметры* (измеримые величины) и *показатели* (индикаторы).

Разработка системы индикаторов основана на представлениях о существенных для анализа и управления *латентных переменных*. Информацию о них должны дать видимые и измеримые параметры, связанные с латентными переменными достаточно устойчивыми отношениями, которые поддаются рациональной интерпретации. Лишь в этом случае параметр обретает статус *индикатора*. При поиске хорошего индикатора нужно также знать смысл критерия, по которому будет оцениваться состояние индикатора. Критерии подчиняются целям и ограничениям.

Например, на встрече с активом «Единой России» 25 сентября 2008 г. В.В.Путин сказал: «Россия подошла к этому кризису окрепшей, с большими резервами, с хорошо и эффективно работающей экономикой... Достаточно стабильная политическая и социальная ситуация говорит о том, что мы чувствуем себя уверенно».

Чтобы сказать «хорошо и эффективно работающая экономика» или «достаточно стабильная социальная ситуация», требуется назвать *критерии* оценки. Трудно представить себе, какими критериями руководствуется правительство – оно их не сообщает. Напротив, судя по многим фундаментальным показателям, экономика России вовсе не была «эффективно работающей» - по этой причине и требовалось изменить сам *тип ее развития*. Не была «достаточно стабильной» и социальная ситуация в стране. Социальное расслоение достигло критического уровня и продолжало углубляться.

Вот, информативным показателем состояния банковской системы служит размер выдачи ими необеспеченных кредитов и масштаб участия в спекулятивных операциях. В прессе приводятся такие сведения: «Согласно данным Центробанка, финансовые показатели 1124 действующих российских кредитных организаций,

исключая Внешэкономбанк, на 1 августа 2008 года, то есть с началом обвала цен на нефть, выглядели следующим образом...

На покупку акций и другие формы участия в чужом капитале банки затратили свыше 3,11 трлн. рублей. Однако сегодня из-за обвала котировок продавать акции придется с громадными убытками... Получается, что на 1 августа банки разместили на стороне 20,45 трлн. рублей, то есть на 2,66 трлн. рублей больше, чем имели своих и чужих средств, или на 5,68 трлн. больше позаимствованных чужих. Возник дефицит платежного баланса, что увеличило дефицит денежного обращения... Таким образом, можно резюмировать следующее. Почти все российские банки, уподобляясь многим западным, проводили путем выдачи кредитов, не обеспеченных соответствующими банковскими активами, по сути, эмиссию фальсифицированных безналичных денег. Хотя денежная эмиссия – исключительная прерогатива Центробанка».

Но кто отвечал за поведение российских банков и кто поощрял их заниматься рискованной спекуляцией? Здравый смысл подсказывает, что спекуляции банков на рынках должна быть под контролем, а их заимствования ограничены в какой-то пропорции от суммы вкладов. Это – функция государства.

М. Гельман пишет в газете «Промышленные ведомости» (01.12.2008): «В 2007 г. общий объем торгов валютой, акциями и различными финансовыми бумагами на всех площадках Группы РТС достиг почти 18 трлн., увеличившись за год в 6 раз, а Группы ММВБ – 107 трлн. рублей, увеличившись за год вдвое. Суммарно это составило 125 трлн. или более 200% по отношению к обороту всех отраслей экономики. Налицо очередной результат слепого копирования пороков американской финансовой системы - громадный «мыльный пузырь»...

Замечу, что все приведенные выше исходные данные размещены в официальных различных документах различных организаций, министерств и ведомств. Однако ни одного сводного среди них, где приводились бы результаты сопоставления показателей, хотя бы те, которые изложены в статье, обнаружить не удалось. Сложилось впечатление, что макрофинансовым анализом в стране никто официально не занимается.

На всякий случай я опросил нескольких специалистов в области финансов, среди которых были и официальные лица, известно ли им прошлогоднее соотношение продаж на фондовых рынках страны с оборотом в российской экономике. Оно составило, как показано выше, более 200%. Увы, никто об этом не знал, а среди публикуемых Центробанком показателей эти сведения отсутствуют. Хотя именно ЦБ и Минфину вменено в обязанность контролировать финансы страны и их обращение. Ведь это не частный, а государственный ресурс, фальсификация которого не должна вообще допускаться властями».

В условиях кризиса смысл параметров, индикаторов и критериев меняется, что резко расширяет зону неопределенности. Это более важный источник ошибок, чем нехватка эмпирических данных. Когда система быстро меняется, связь измеримых показателей с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами становится резко *нелинейной*. Это касается, например, сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов.

Число, служащее индикатором состояния системы, всегда встроено в *контекст*, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет смысл показателя, а в пределе может совершенно исказить его. *Изъятие из контекста* - обычная форма "отключения рациональности". Оно приняло за последние два десятилетия широкий характер и нанесло сильный удар по всей культуре "количественного мышления".

В свете этих общих положений положение с описанием и «измерением» нынешнего кризиса в России следует признать *неблагоприятным*. Приводимые чиновниками и экономическими обозревателями величины, призванные характеризовать кризисные явления, не сопровождаются объяснением их связи со скрытыми фундаментальными сущностями. Эти величины являются всего лишь *параметрами*, смысл которых не установлен. Они не служат индикаторами, позволяющими оценить состояние и динамику системы.

В принципе, здесь и кроется тот главный выбор, который не решается сделать правительство. Речь идет о *конфликте интересов*. Представить модель кризиса и породившие его причины – значит пойти на конфликт с влиятельными силами. Из групповых эгоистических интересов эти силы направили экономические процессы в коридор, позволяющий им сорвать куш, но ведущий к срыву. И это силы, находящиеся не где-то в США, а здесь, близко к власти и в ее коридорах. У власти не хватает запаса прочности, чтобы пойти на такой конфликт.

Однако создание реалистичной модели кризиса и поиск адекватных индикаторов – необходимый этап в антикризисной программе. В качестве исходного предположения было бы разумным принять, что экономическая доктрина правительства России и легитимирующая ее идеология закономерно вели к этому кризису. Если так, то без пересмотра этой доктрины и смены идеологии вырваться из этого кризиса нельзя, можно лишь смягчать его симптомы и приступы, как у хронической болезни.

Неадекватность системы индикаторов и критериев, лишаящая государство достоверной картины кризисных процессов, является важной *угрозой* для России, ее хозяйства и социальной сферы.

Дефекты в системе «знания власти». Одним из ключевых типов знания является то, которое *генерируется* властью и *употребляется* властью. Власть - самый крупный сгусток интеллектуальной активности и узел каналов движения потоков знания. Власть использует в своих целях или прямо организует большое число разнообразных «служб», занятых производством и движением знания.

Конкретное содержание знания власти и его движение определяются исторически данными условиями и задачами. Деграция «знания власти» во многом послужила причиной кризиса советской государственности и краха СССР. Однако и после этого краха «ремонт» необходимой для государства интеллектуальной базы не ведется, что создает угрозу и для государственности России.

В индустриальном обществе для управления абсолютно необходимы инструменты и навыки рационального мышления – точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время

перестройки, а затем подрывались в ходе реформы 90-х годов. Сейчас сознание властной элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных.

Вместо анализа ошибок и “починки” инструментов разумного мышления, как это принято делать при любых технических сбоях или авариях, произошел срыв - эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм разумного мышления, в результате чего общество сорвалось в тяжелейший кризис. Если бы реформаторы, исходя из своих идеалов, рассуждали согласно правилам здравого смысла и логики, сверяли свои выводы с реальностью, то можно было бы избежать срыва и найти разумный компромисс между интересами разных частей общества.

Получилось наоборот, правящая элита шаг за шагом толкала к лавинообразному распаду всей сложной конструкции рационального сознания. Страна оказалась на грани катастрофы. После 2000 г. кризис «заморозили», но не преодолели. Сейчас он «размораживается». Элита составляет главную “группу риска”.

Логическое мышление использует способность делать *умозаключения*. В реальной жизни мы не имеем времени, чтобы делать сложные умозаключения по всем вопросам, и справляемся с помощью *здравого смысла*. В условиях кризиса роль здравого смысла резко возрастает. В это время у нас мал запас прочности, и мы вынуждены искать не максимальную выгоду, а минимальный ущерб. Здравый смысл не дает блестящих решений, но предохраняет от *наихудших*. Восстановление рациональности, опоры на рассудок и разум, стало сейчас срочной общенародной, надклассовой задачей. Дальнейшая деградация рационального сознания – всеобщая *общенациональная угроза*.

Повреждение инструментов познания и каналов передачи знания в государственном управлении является *системным*. Оно требует специального обсуждения и срочной восстановительной программы. Идеологическими заклинаниями эту проблему не решить.

Ключевой функцией в структуре знания власти является рефлексия (и «обучение»). В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется, рефлексивный аспект мышления приобретает особое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит «точку возврата» и движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов – мы же часто исходим из привычных линейных представлений. Можно говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлексию.

За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ. Состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и повышает уровень даже тех опасностей, которые могли бы контролироваться с небольшими затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой – и нет признаков рефлексии.

Функция предвидения. Особую роль в «знании власти» играет проективное знание, представленное как *предвидение*. Образы будущего как «проекты власти», служат для общества важными системами координат. Успех антикризисных программ определяется способностью *предвидеть* угрозы и верно оценить динамику их развития. Провалы в выполнении этой функции государства сами по себе становятся фактором углубления кризиса – как вследствие неподготовленности решений и ресурсов, так и в результате негативного воздействия на общественное сознание. В первые месяцы нынешнего кризиса обнаружили большие упущения в выполнении функции предвидения, прогнозирования и планирования. Они должны быть восполнены посредством выполнения срочной специальной программы.

Признаки назревающего в США и Западной Европе кризиса финансовой системы стали явными в 2004-2005 гг., и ряд российских экономистов предупреждали о том, что в этот кризис будет вовлечена Россия, за 90-е годы «привязанная» к этой системе. Однако Россия представлялась «островком стабильности», и начавшийся в сентябре 2008 г. кризис оказался для российского общества полной неожиданностью.

Основные параметры финансового кризиса в США определились уже в 2007 г., и никаких оснований считать, что этот кризис не будет экспортирован в Россию, не было. Тем не менее, вплоть до конца лета 2008 г. прогнозы состояния российской экономики оставались радужными. Так, прогнозы значения индекса РТС на конец 2008 года, данные финансовыми аналитиками, колебались в диапазоне 2500-3000 пунктов.

На 19 мая 2008 года индекс РТС достиг отметки в 2498,1 пункта, на 26 декабря – 644,5 пункта, снизившись на 74,2%. 23 февраля 2009 г. индекс РТС составлял 517 пунктов, то есть потерял 79,3% от максимального значения. Таким образом, если отбросить предположение о тотальной недобросовестности сообщества финансовых аналитиков, работающих в России, приходится признать это сообщество несостоятельным в выполнении профессиональной функции предвидения.

Оптимистические прогнозы давались во время падения курса на московских биржах, даже в октябре 2008 г. В прессе писали: «6 октября, когда курсы акций упали сразу почти на 20%, с утра в российских киосках появился журнал «Итоги», где на обложке было анонсировано интервью с зампреда Центробанка РФ Константином Корищенко, который только что возглавил ММВБ, ведущую биржу страны. Он заявил буквально следующее: «Тот уровень, на котором мы сейчас находимся, — если не дно, то где-то близко к нему: весь негатив, который мог выплеснуться на рынок, уже выплеснулся. Большие колебания — верный признак приближающейся смены тренда». В удивительное мы живем время — журнал еще несли по киоскам, а заявление г-на Корищенко уже выглядело откровенным издевательством. В наши дни прогнозы либеральных экономистов опровергаются жизнью раньше, чем мы успеваем их прочитать!»

Неизвестно, были эти заявления высокопоставленных чиновников и экспертов следствием их ошибочных представлений о реальности или желания успокоить общество, усыпив его бдительность. И то, и другое говорит о слабости государства.

Пытаясь таким образом избежать паники, власть впадает в самообман и теряет время, когда можно было бы блокировать кризисные явления в «инкубационном» периоде. Так и произошло.

Безосновательно оптимистическими были заявления о ближайших перспективах российской экономики, сделанные высшими руководителями России на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6-8 июня 2008 г.). Очевидно, что эти заявления были подготовлены экспертами экономического блока правительства на основании той прогнозной информации, которой они располагали.

На пленарном заседании Форума Д.А. Медведев заявил: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия – это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля – в одну из ведущих резервных валют». Это было сказано за два месяца до начала обрушения российского фондового рынка.

Прошло всего четыре месяца, и Министр экономики и развития делает заявление, принципиально несовместимое с этими «амбициозными» планами. 19 ноября 2008 г. глава Минэкономразвития РФ Эльвира Набиуллина на заседании Госдумы сказала: «Мировой экономический кризис, который только разворачивается, показал исчерпанность модели роста российской экономики, которая у нас была в предыдущие годы».

Такая радикальная смена фундаментальной трактовки состояния народного хозяйства без всякого объяснения причин смены *парадигмы* – признак глубокой деформации всей познавательной системы, в рамках которой действует правительство в сфере экономики. Это не может не сказаться на качестве решений, принимаемых в условиях кризиса.

Из этого следует такой **вывод**: методологический аппарат экономического блока правительства РФ и обслуживающих правительство экспертов оказался непригоден для оценки уязвимости российской экономики в нынешнем кризисе. В результате вплоть до конца 2008 г. государство и общество следовали ошибочным представлениям о глубине и динамике кризиса.

Это само по себе представляет важную *угрозу*, перед которой оказалась Россия.

Она должна быть устранена, для чего требуется анализ допущенных ошибок, беспристрастная оценка применяемых в правительстве методов экономического анализа и срочное устранение дефектов.

Наложение двух волн кризиса. Важнейший фактор, влияющий на динамику и глубину нынешнего кризиса, заключается в том, что он *налагается* на большую волну кризиса 90-х годов, который в главных своих элементах не преодолен. Этот факт может полностью изменить и внутреннюю структуру, и картину внешних проявлений нынешнего кризиса в России по сравнению с тем, как он развивается «на Западе».

Главная угроза состоит в том, что волна «прежнего» кризиса уже подвела многие системы хозяйства и социальной сферы России к порогу деградации – «красной черте». Запас их прочности почти исчерпан, и даже сравнительно слабый добавочный удар нового кризиса может их обрушить или запустить цепную реакцию отказов. Это сразу потребует больших финансовых средств и материальных ресурсов на устранение чрезвычайных ситуаций, а возможности государства могут оказаться недостаточными. Например, в таком уже критическом состоянии находится жилищный фонд, обветшавший без капитального ремонта, инженерные сети ЖКХ, водоканал. Это – системы жизнеобеспечения, сбои которых могут резко ухудшить положение большей части населения, тем более в стесненных обстоятельствах нового экономического кризиса.

Таким образом, «модель кризиса», исходя из которой разрабатывается программа, должна включать в себя и угрозы, порождаемые массивными процессами деградации, запущенными еще кризисом 90-х годов.

Обращает на себя внимание тот факт, что руководители государства подчеркивают намерение *продолжить* ту социально-экономическую политику, которой следовали до кризиса («выполнить социальные обязательства»). Это без всяких обоснований представляется как оптимальное решение. Между тем, кризис, очевидно, принципиально изменяет условия, в которых находится страна. Это, как сказано выше, *особый тип бытия*. Соответственно, должна измениться и политика государства, она просто не может не измениться. В одних случаях обязательства государства в социальной сфере окажутся при наложении двух волн кризиса *недостаточными*, а в других случаях их выполнение можно, ввиду чрезвычайных обстоятельств, отложить.

В общем, расчет на то, что социальное бедствие может быть предотвращено путем распределения некоторой суммы государственных финансовых средств, *несостоятелен*. Поэтому представляются ошибочными методологические установки тех должностных лиц, которые считают, что государство сможет поддерживать внутренний спрос и социальную стабильность «инвестиционными программами естественных монополий, государственными закупками и государственными контрактами».

В условиях кризиса такая роль государства недостаточна, в этих условиях государство обязано переходить на принципы *программно-целевого управления*. Оно не сводится к инвестициям, закупкам и контрактам. Минимальная триада действий в управлении такого типа заключается в «планировании – программировании - бюджетном финансировании». Это ядро системы в США было описано в 70-е годы как «система РРВ» (*Planning-Programming-Budgeting*), но выработаны эти принципы исходя из универсального опыта программно-целевого управления, включая советский.

Главный ресурс государства в противодействии кризису – *организующий* и даже *духовный*. Без «собирания» населения в общество, без целеполагания и введения общественных процессов в определенную систему нравственных, правовых и административных координат, никакие финансовые средства не защитят население и хозяйство. Финансовых ресурсов государства даже в самые благополучные годы (2003-2008) хватало лишь на то, чтобы поддерживать приемлемый уровень

стабильности социальной сферы, но не хватало для ее модернизации, развития и даже содержания.

Средств было недостаточно даже для того, чтобы остановить сокращение и деградацию основных фондов страны. Дефицит средств нарастал, а в условиях нынешнего кризиса его увеличение может стать лавинообразным. Без консолидации общества и подъема его низовой инициативы ресурсы, которыми располагает государство, будут совершенно недостаточны для решения даже критических задач социальной защиты населения.

Угрозы для России в среднесрочной перспективе

Общее состояние проблемы. Мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации. В каждой стране он наложился на свои проблемы. Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придется еще долго переживать. Реформы 90-х годов создали высокую степень риска для всех систем страны. Они не отменяются нынешним кризисом, а обостряются им. С их рассмотрения и надо начинать.

Перед властью стоит срочная задачей разобраться:

- как эти угрозы зародились и как они развиваются,
- по каким признакам их можно обнаружить и оценить,
- каков потенциал каждой из угроз и с какой скоростью он наращивается,
- в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

Для начала надо взглянуть в *общий фон*, на котором зреют угрозы. Важным свойством разумного человека является способность *предвидеть* угрозы и риски. Предвидение опирается на *рефлексию* – «обращения назад». Корни будущего, ростки которого чуть видны в настоящем, скрыты в прошлом.

Порча инструментов рефлексии в 90-е годы была массовой и моментальной – как будто кто-то щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления, которое дает *правильные* представления о реальности, к аутистическому – оно создает *приятные* представления. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется «карта угроз», каким-то образом выраженная. Чем сложнее общество и окружающий мир, тем многомернее должна быть эта карта. Составление «карты угроз» - важная операция. Она помогает представить нагромождение рисков как систему, увидеть в ней причинно-следственные связи. Преувеличенный страх сам становится источником опасности. Создание панических настроений и отвлечение внимания от реальных опасностей – важные операции в психологической войне. Поэтому составление «карты угроз» сопровождается изучением восприятия реальных опасностей в массовом сознании. Это восприятие отдельно представляют в виде «карты страхов».

Конкретные угрозы надо представлять в контексте системы высшего порядка – так, чтобы стали понятны их причины более фундаментального уровня. Например, видимой угрозой для России стало снижение боеспособности армии. Но это – лишь

симптом болезни. Чтобы лечить, надо поставить диагноз. Надо устранять тот комплекс причин, по которым молодежь уклоняется от призыва в армию, лётчики не летают, а вооружение не обновляется. И все это вовсе не сводится к нехватке денег, нехватка денег – сама есть следствие какой-то более глубокой причины.

Другой пример - резко снизилась *рождаемость* в России, возникла угроза демографической катастрофы. Но эта уже реализовавшаяся конкретная угроза – ответ населения на какую-то более фундаментальную угрозу, надо именно о ней говорить. Встраивая угрозу депопуляции в контекст кризиса как системы, мы опускаемся на уровень причин. Мы видим, например, что сильнее всего снизилась рождаемость вовсе не в тех регионах и социальных группах, где самые низкие доходы. Следовательно, само по себе снижение доходов населения недостаточно, чтобы вызвать такой спад рождаемости. Попытка повысить рождаемость посредством денежного поощрения хотя и улучшит положение многодетных семей, принципиально не изменит ход процесса.

Источник угрозы лежит глубже, а снижение рождаемости – симптом более обширной и тяжелой болезни всего общественного организма. Принимая срочные меры для ослабления симптома, нельзя откладывать выявление и лечение болезни, которая этот симптом вызвала. Так, одной из главных причин низкой рождаемости является культурная травма, вызванная попыткой в ходе реформы заменить все главные устои культуры большинства населения.

Другие народы в большей мере, чем русские, смогли закрыться от этого удара своим этническим национализмом, укреплением общинно-родовых связей, своей религиозностью, более закрытой от идеологической машины реформ (см. рис. 1).

Важной причиной спада рождаемости является «страх за свое будущее, будущее своих детей» - это назвали первой проблемой 50% опрошенных даже в Москве. Эти угрозы эти имеют не узко социальный, а общенациональный характер.

Карта угроз всегда не вполне достоверна и отстает от жизни. Но в моменты резкого слома порядка, в условиях хаоса и быстрых изменений эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит признаков скрытых угроз, они возникают внезапно.

В норме опасность порождает *функцию* государства, а функция - соответствующую *структуру*. КГБ был в СССР одной из структур, которые покрывали спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. Другая большая система, выполнявшая функцию предупреждения – наука. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее *экономической* эффективности. Ликвидирован третий важный институт индустриальной цивилизации - *Госстандарт*. Его выстраивали в России весь XX век – и вот, устранили, стали «приватизировать», вместе с техническим надзором.

В стране была долго отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры. Вот тот фон, на котором развивается нынешний кризис.

Еще одно обстоятельство, которое ослабило способность предвидения рисков – «отказ» обществоведения как особой системы знания. Обществоведение обязано *предупреждать* о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей –

указывать, чего нельзя делать. В ходе реформ оно, в целом, этой функции не выполнило.

Так, была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Была декларирована доктрина *деиндустриализации* России. Академик-экономист Н.П. Шмелев писал в 1995 г.: «Наиболее важная экономическая проблема России - необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала... Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей. ... Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые - излишни абсолютно».

Эта доктрина реализуется (см. рис. 2), но анализа угроз, которые она порождает, сделано не было. Операция прогнозирования угроз была исключена из перечня функций власти.

Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, *проявились*. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом научных исследований и общественного диалога. Исследования, «беспокоящие» авторов доктрины реформ, были свернуты. Сейчас, чтобы переломить эту ситуацию, требуется восстановить взаимодействие между обществом и государством. Это трудно сделать, пока обществу не будет предъявлена «карта угроз», которые были порождены в 90-е годы и созревают в данный момент, а также внятная доктрина защиты от этих угроз. Судя по выступлениям ряда политиков и бизнесменов, общая доктрина ответа на кризис еще не выработана.

Задания разным институтам и группам дать свои соображения «к понедельнику» порождают лишь импровизации на основе старых наработок. Это не может заменить нормального анализа актуальной ситуации и тенденций ее развития.

Главная угроза: *демонтаж народа*. Она заключается в том, что в России продолжается процесс *распада всех общностей* (кроме, возможно, криминальных). Этот процесс запущен реформами 90-х годов, маховик его был раскручен в политических целях - как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось (если такая задача вообще была поставлена). После 1991 г. были остановлены и, в основном, ликвидированы практически все механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу.

Разрушение государств и свержение власти происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного

создания или демонтажа *этносов*. Бесплезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран и империй, как правило, и бывал «демонтаж» народа. Повреждение механизма скрепления народа - одно из важных средств войны во все времена. Сейчас это технология, основанная на развитой науке. Применение этой технологии против нашего народа - *главная* угроза для России в настоящий момент и в ближайший период.

За последние двадцать лет демонтирован, «разобран» главный субъект нашей истории - народ. Всё остальное - следствия. И пока народ не будет вновь собран, не вернёт своей памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса.

Задача «разборки» советского народа выполнялась в 90-е годы с таким перебором, что привела к повреждению или разрушению связей, которые соединяли *русских* в народ как надличностную общность с системными свойствами. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по связующей силе и разнообразию связей создано не было, и никакой программы националстроительства государство не выработало.

В норме государство печется о сохранении народа как целого, охраняет его связность. Связи, соединяющие людей в народ, можно порвать и народ демонтировать - как демонтировались в 90-е годы рабочий класс или научно-техническая интеллигенция России. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа.

Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонттировать». Но против нее можно и совершать диверсии - подтачивать, подпиливать, взрывать. У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Но результаты такого спектакля - того же масштаба, как у войны, вплоть до полного изъятия у населения прав на свою национальную власть и на определение своего пути. И власть, и путь ему задаются извне, право на свой «проект будущего» изымается. Грузия уже почти в таком состоянии, Украина - на грани.

Во второй половине XX века народ России существовал как *советский народ*. Это факт, как бы к нему ни относились. На разрушение духовного и психологического каркаса этого народа была направлена большая кампания («перестройка»). Демонтаж народа проводился целенаправленно, в форме холодной гражданской войны. Главными видами оружия были средства *информационно-психологической* и *экономической* войн.

Экономическая война внешне лишила народ его общественной собственности, а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих и технического персонала, квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и

здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение и в материальной культуре народа, и в мировоззрении.

Воздействие на массовое сознание средствами информационно-психологической войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, опорочены символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства - власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате была, как говорят, размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» - осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии у населения РФ отсутствуют некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки национального проекта и для организации действий в защиту своего государства и даже своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться ударам, направленным на разрушение его самосознания, хотя за последние восемь лет государство понемногу начинает выстраивать оборону.

В начале реформ утверждалось, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации индивидов, «освобожденных» от уз тоталитаризма, в *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и политические партии, представляющие интересы классов и социальных групп. Эти планы оказались утопическими, обширного «среднего класса» не возникло. Созданный квази-народ («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и неспособным к строительству. Возникла патологическая социальная система - старый народ наполовину «разобран», а новый никуда не годен.

В результате совокупность социальных общностей как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При этом была утрачена и скрепляющая народ система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и как каналы связей с другими общностями. Россия утратила *национальное информационное пространство*. Она не располагает информационной системой, в которой должен вестись низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня. В силу ряда причин телевидение этой функции выполнять не может, это канал политической рекламы.

Сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Ликвидированы даже такие простые исторически укорененные социальные формы, как *общее собрание трудового коллектива* (аналоги сельского схода в городской среде). В России продолжается *деклассирование* рабочих. В ходе реформы контингент промышленных рабочих

сократился вдвое, на 10 млн. человек. Значительная часть их опустилась на «социальное дно». Деградирует системообразующая для России большая специфическая общность – *интеллигенция*. Она замещается «средним классом» - новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов – при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям 26 тыс.

Возрождение страны и выход из нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения посредством восстановления его культурного ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России.

Кампания по демонтажу народа нанесла России тяжелейший удар, но главные мировоззренческие устои выдержали его. Если будет государственная воля и самоорганизация снизу, «ремонт и сборка» народа могут быть произведены очень быстро.

Демонтаж общежития народов. Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. За пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на большом пространстве империю *неколониального* типа. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной ассимиляции, не создавался «этнический тигель», сплавляющий всех в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах.

Конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, и ими умелые противники пользовались. Например, всю вторую половину XIX века либеральные западники, а с конца века и марксисты, интенсивно использовали для подрыва легитимности Российской империи и монархического строя идеологическую концепцию России как «тюрьмы народов». Как только монархия зашаталась, подросшая национальная буржуазия стала рвать ее на куски. В этом деле не отставала и элита русских областей (например, Сибири).

В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Насколько они были эффективны, показала Великая Отечественная война.

В советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии - формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и

хозяйством. Но, как любая большая система, нация может или развиваться и обновляться, или деградировать. Застой означает распад соединяющих ее связей. Это болезненное состояние возникло в момент противостояния с внешними силами («холодной войны») и было использовано противником. Решение перенести главное направление информационной войны против СССР с социальных проблем на сферу межнациональных отношений было принято в 70-е годы. Но шоры исторического материализма не позволили осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против целого. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции.

В этой большой операции противникам России удалось произвести два стратегических прорыва. Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из «русоцентричного» в «этноцентричное». С конца 80-х годов прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание - этнический национализм, обращенный вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России. Это резко затрудняет восстановление испытанных веками форм межнациональных отношений, создает новые расколы, замедляет преодоление кризиса из-за нагромождения новых, необычных задач.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели настроить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя сепаратизма, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Та трещина, которая прошла по Украине, говорит о беде, зреющей во многих народах. Соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, давно осознавшие себя едиными (например, мордвины), начинают расходиться на субэтноты.

В России сумели подавить и опорочить державный национализм, который соединяет родственные народности в народы, а народы - в большую нацию. Взамен в массовое сознание «накачивают» *этнонационализм*, ведущий к разделению или даже стравливанию народов и к архаизации их культуры.

Эта угроза продолжает вызревать и порождать новые, производные от нее опасности.

Ухудшение «личного состава» страны. Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп – народ болен в прямом смысле слова. Быстро снижаются формальные и качественные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность к самоорганизации. Возникли «малые народы», подгрызающие структуры цивилизации («гунны»). Наступает «цивилизация трущоб», привыкающая к своей культуре.

Сильную культурную травму нанесла приватизация промышленности. В результате значительное число мужчин, сразу лишившихся социального статуса и доходов, скатились к алкоголизму. В России, по данным Госкомстата, употребление этилового спирта на душу населения возросло в период с 1991 по 1995 год вдвое, а число алкогольных психозов — почти в четыре раза.

В 2005 г. на конференции «Медико-социальные приоритеты сохранения здоровья населения России в 2004-2010 гг.» директор ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств с начала 1990-х годов увеличился в 11,5 раз. Растет и смертность, и тяжелая заболеваемость, связанная с психическими расстройствами. В частности, 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий.

Член РАМН Б.Т. Величковский в книге «Реформы и здоровье населения страны» (М., 2001) пишет: «Ведущим фактором в детской возрастной группе является недостаточное питание. Отсутствие полноценного питания привело к тому, что в 1999 г. 10% призывников отличались дефицитом веса; более 40% беременных женщин страдали анемией, а большинство детей и молодежи не получало необходимого набора пищевых веществ и витаминов.

Для детей важным фактором ухудшения здоровья стала акселерация, которая произошла с 50-х по 80-е годы. В 19 этнических группах СССР, в том числе у русских, украинцев, белорусов, татар и башкир средний рост увеличился более чем на 2 см. Улучшение условий жизни и особенно питания не противоречили новой генетической программе. Но начиная с 1990 г. ухудшение питания сильно ударило по детям. Размеры недостаточности нынешнего питания гораздо более очевидны, если рассчитывать ее не из фактического роста ребенка в момент обследования, а исходить из длины тела при рождении, т.к. за годы недостаточного питания рост ребенка уже отстал от генетической программы».

Это положение преодолевается медленно – система стабилизировалась. Число рожениц, в момент родов страдавших анемией, в 2000-2007 гг. сохраняется на уровне 42-43% (в 1985 г. - 5%). Около 40% детей рождается больными. На очень высоком уровне держится заболеваемость туберкулезом.

Вся кампания по подрыву мира символов, которая велась средствами культуры — словом — оказала исключительно тяжелое разрушительное воздействие. Оно во многом предопределило глубину культурного кризиса, который выразился в скачкообразном повышении смертности, вспышках насилия, огромном числе несчастных случаев. Как пишет Б.Т. Величковский, причина повышенной уязвимости сознания населения России в том, что, как установил в 1932 г. И.П. Павлов, у русских «условные рефлексy координированы не с действием, а со словом».

Кризис *обостряет* эту латентную угрозу. Сама угроза крайнего обеднения запускает цепной процесс роста числа психических расстройств. Глава Научного центра социальной и судебной психиатрии Т. Дмитриева заявила на Конгрессе «Социальная психиатрия будущего» (28.11.2008): «Та ситуация с финансовым кризисом, которая сегодня существует, безусловно, может привести к увеличению числа бедных, и может возникнуть тот порочный круг, когда бедность и

недоступность медицинской помощи приводит к ухудшению здоровья, в том числе и психического».

По ее словам, среди бедных психические расстройства встречаются вдвое чаще. Как сообщила Дмитриева, на первом этапе подобного рода кризисы воспринимаются абстрактно, на втором этапе он становится уже личной проблемой, когда, например, человек чувствует по себе рост цен на продукты. Россияне в данный момент находятся на втором этапе восприятия кризиса. Вслед за вторым этапом в подобных ситуациях появляется всплеск общественной активности, который постепенно переходит во всплеск агрессивности.

«Поэтому очень бы хотелось надеяться, что проблема кризиса уже на первых этапах будет взята под контроль. ... Вся психологическая и психиатрическая службы должны сегодня начать очень серьезно работать по поддержке психологического состояния населения», - подчеркнула Дмитриева.

Деграция основных фондов России. Среди угроз для России особое место занимают мировоззренческие срывы, которые усугубляются действиями государства. Если видеть реальность в ложных формах, наши решения в целом становятся принципиально ошибочными. Жизнь семьи, общества, страны требует деятельности, в которой неразрывно связаны два разных вида – *создание* и *сохранение*. Усилия того и другого рода по-разному осмысливаются, планируются и организуются. В сознании они выражаются двумя разными категориями.

В российском обществе за годы реформы из сознания вышибли категорию *сохранения*. Этот провал - тяжелое поражение сознания и касается он всех классов объектов, которые мы создаем и обязаны сохранять. Один из таких объектов – *основные фонды* страны.

Какими основными фондами реально располагает сегодня Россия? Мы видим, что очень большая часть зданий и сооружений изношена или разрушена, большая часть оборудования и машин приведена в негодность – но какова эта доля? С 1998 г. не ведется переоценка фондов, их учетная стоимость перестала быть информативным показателем. Однако из динамики натуральных показателей можно видеть, что в России с 1992 г. запущен механизм, который неуклонно и неумолимо перемалывает основные фонды страны. И этот маховик не был остановлен и после 2000 года. Нынешняя волна кризиса, скорее всего, лишь ускорит вращение этого маховика.

Например, с 1991 г. был практически прекращен капитальный ремонт жилищного фонда России. И это достояние страны стало на глазах деградировать и ветшать. На глазах всего общества ЖКХ идет к катастрофе, но все внимание направлено лишь на строительство новых домов. Это важная задача, но ведь нового жилья строится в год всего 1,5% уже имеющегося, которое надо сохранять. Самой актуальной общенациональной проблемой стало сегодня не строительство нового жилья, а *сохранение* старого. В ЖКХ идет деграция его основных фондов – зданий и инфраструктуры. Это неумолимый фактор, и его игнорирование стало фундаментальной угрозой.

Результат известен: капитальный ремонт жилищного фонда почти не ведется, изношенные водопроводные, канализационные и тепловые сети почти не перекаладываются. В таблице 1 приведены данные Росстата за 2006 г.

Таблица 1. Замена изношенных инженерных сетей ЖКХ в РФ (2006 г.)

	Нуждаются в замене, тыс. км	Заменено, тыс. км
Водопроводные сети	130,6	8,7
Канализационные сети	24,4	0,79
Теплосети	44,2	5,7

Положение в ЖКХ - та капля, в которой видно общее аномальное состояние государства и общества. Они утратили механизмы и нормы, которые побуждают вкладывать средства и усилия в содержание и сохранение того искусственного мира (культуры), в котором живет человек.

За 90-е годы из всех больших систем были изъяты средства, предназначенные для их содержания и ремонта. В России имелся большой речной флот, укомплектованный квалифицированными кадрами, обустроенные в масштабах всей страны предприятия по его содержанию и ремонту, пристани и фарватеры. Почему же Россия не смогла содержать эту большую систему? Были созданы условия (экономические, социальные, культурные), несовместимые с существованием отрасли – и флот распродан, кадры разбрелись. Отрасль практически ликвидирована. Какой смысл вкладывать деньги в повторное развитие отрасли, если причины гибели не названы и не устранены?

Как же объяснить тот странный факт, что причины повсеместной деградации культурного пространства не выявляются, не устраняются и даже не становятся предметом обсуждения? Более того, вплоть до конца 2008 г. слышатся заявления, что кризис остался позади и мы вступили в период быстрого развития. Это утверждение, сформулированное в Минэкономразвития, сразу должно было бы вызвать удивление, если бы была учтена динамика деградации производственной базы.

На рис. 3 представлена динамика возрастания доли старого (возраст более 20 лет) производственного оборудования. Вплоть до 2005 г., когда этот показатель перестали публиковать, не произошло ни малейшего изменения этой динамики. В России почти прекращено производство тракторов, но сохраняется иллюзия, что его можно легко возобновить. На деле производственные мощности тракторостроения уменьшились к концу 2006 года примерно в 5 раз.

За годы реформ изъято из оборота 42 млн. га посевных площадей. Треть земли, которую возделывали много поколений, дичает – ее не пашут, не удобряют, не засевают. Еще быстрее идет деградация активной части основных фондов сельского хозяйства – машинного парка. Никаких сдвигов к лучшему нет – парк тракторов сокращается равномерно каждый год. Нагрузка на трактор достигла в

2006 г. 187 га пашни (5,3 тракторов на 1000 га пашни), а если бы землю не выводили из оборота, то она составила бы уже 206 га.

В норме при «рыночном» сельском хозяйстве в европейских условиях требуется около 120-170 тракторов на 1000 га пашни. В более благоприятных почвенно-климатических условиях Западной Европы нормальной является такая нагрузка пашни на трактор: в Германии 8 га, в Италии – 6 га. Например, в ФРГ в 90-е годы реально имелось 180-190 тракторов на 1000 га пашни – **в 33 раза** больше, чем в России.

В России создан механизм, который **перекачивает средства, предназначенные для содержания основных фондов, в потребление**. С 1992 г. в сельскохозяйственных организациях России число тракторов сократилось в три раза – а число личных легковых автомобилей в России увеличилось в три раза (рис. 4).

Чрезвычайным нарушением меры является *несоизмеримость* величин утраты основных фондов и мер по их возмещению. В момент кризиса это тем более опасно. Вот справка Минсельхоза (2006): «В 2005 году в целом по России численность крупного рогатого скота к уровню 2004 года уменьшилась более чем на 1,5 млн. голов, в том числе коров - на 722 тыс. голов. Таким образом, мы катастрофически **теряем базу производства продукции животноводства**». поголовье уменьшается на 1,5 млн. голов, а Национальный проект в сельском хозяйстве кредитует покупку 50 тыс. телят в год. Это величины *несоизмеримые*.

Вот другая справка Минсельхоза (2007): «На условиях лизинговых поставок хозяйства Российской Федерации через ОАО «Росагролизинг» с начала текущего года, получили 1974 трактора», - а выбытие тракторов за годы реформы составило около 1 миллиона машин.

Правительство применяет неадекватные индикаторы состояния ЖКХ и на их основании принимаются меры, неадекватные угрозе, они с ней *несоизмеримы*. Населению внушается иллюзия разрешения проблемы ветшания жилищного фонда и его инженерной инфраструктуры, в то время как проблема выходит из-под контроля и государства, и местного самоуправления, и самого населения.

Как известно, с 2010 г. стоимость капитального ремонта жилых домов будет целиком возмещаться самими жильцами. Средства на ремонт накапливаются из ежемесячных платежей собственников квартир, вносимых вместе с оплатой за услуги ЖКЖ. Вот сообщение от 23.12.2008: «Правительство РФ утвердило федеральные стандарты оплаты жилья и коммунальных услуг по России на 2009-2011 годы. Постановлением утвержден федеральный стандарт стоимости капитального ремонта. За один квадратный метр жилья в месяц россияне заплатят в 2009 году — 4,5 рубля, в 2010 году — 5 рублей, в 2011 году — 5,6 рубля».

Капитальный ремонт должен производиться через 25 лет эксплуатации. В настоящий момент около 2/3 городского жилищного фонда нуждаются в капитальном ремонте. Объем капитального ремонта, «отложенного» только за 1991-2004 годы, составляет 1,9 млрд. кв. м. Таким образом, практически все городское население России должно готовиться оплатить капитальный ремонт своего жилья. Сколько это стоит реально?

В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ должна была составить в 2008 г. **19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр** (включая НДС).

Эта величина *несоизмерима* с «федеральным стандартом стоимости капитального ремонта», который утвержден Правительством. Жильцы вносят плату за ремонт из расчета 4,5 руб. за 1 кв. м. в месяц или 54 руб. в год или 1,35 тыс. руб. за 25 лет (в ценах 2008 г.). Это составляет 7% от реальной стоимости ремонта.

Таким образом, государство официально перестает оплачивать капитальный ремонт жилищного фонда страны, но не решается включить его реальную стоимость в счета на оплату услуг ЖКХ самими жильцами. Таким образом, на прогнозируемый период кризиса (2009-2011 годы) вторая по значимости, после снабжения продовольствием, система жизнеобеспечения населения остается без защиты государства и других институтов общества.

Это – важное *политическое* решение. Оно требует фиксации в общественном сознании, объяснения и предупреждения о распределении тягот по ликвидации последствий (аварий, отказов, чрезвычайных ситуаций).

Экономическая «открытость» России. Экономическая реформа раскрыла хозяйство России мировому рынку. В.В. Путин сказал, объясняя причины кризиса: «Россия стала частью мировой экономики, и это неплохо. Но сегодняшнее событие [кризис] - это и плата за то, что мы так стремились стать частью этой мировой экономики».

Это утверждение вызывает ряд вопросов. Разве Россия (в том числе в облике СССР) не была «частью мировой экономики»? Каковы критерии для оценки? Если взять объем и структуру внешней торговли СССР, его участие в больших зарубежных проектах (типа строительства Асуанской ГЭС), то уровень интеграции следует считать по тем временам вполне приемлемым. Скорее, в результате реформы Россия изменила *тип* своего вхождения в мировую экономику. Но какова плата за смену этого типа? Цену Россия платит в виде кризиса и социального бедствия, и возложили ее именно на ту часть общества, которая такого «вхождения в мировую экономику» не желала. Это и создало в обществе глубокое противоречие. Нынешний кризис его резко обостряет.

В 90-е годы государство демонтировало защитные механизмы, которые придавали экономике СССР *кризисоустойчивый* характер, и не выстроило альтернативные защиты. Россия, резко ослабленная кризисом 90-х годов, оказалась полностью раскрытой и беззащитной против «импорта» чужих кризисов.

Несмотря на это, правительство подтверждает свою установку на максимальную открытость экономики. В интервью агентству «Блумберг» (27.01.2009) В.В. Путин сказал: «Российская экономика является открытой, мы ввели 1 июля 2007 года правила, полностью либерализующие финансовый рынок, и мы сохраняем этот режим, несмотря ни на какие финансовые сложности. Мы к

иностранным инвесторам будем относиться так же, как и к своим собственным, как к родным».

В.В.Путин даже специально подчеркнул (4 декабря 2008 г.): «Мы не собираемся никак ограничивать те либеральные правила ввоза и вывоза валюты, и денег вообще, которые мы ввели еще с 1 июля 2007 года, когда полностью перешли к либерализации валютного рынка». Но ограничения на вывоз валюты – обычная мера в момент кризиса, тем более, если национальная финансовая система слаба (как это имеет место в России). Разве кризис не изменил положение по сравнению с 1 июля 2007 года?

Каковы же результаты такой открытости? Примером могут служить ее последствия для одной из крупнейших горно-металлургических промышленных групп России – группы «Евраз» (41% ее акций владеет Р. Абрамович). Она зарегистрирована в Люксембурге, формальным собственником 76% акций является фирма «Lanebrook» (Кипр), бумаги группы «Евраз» торгуются на Лондонской бирже и не имеют хождения в России. В мае 2008 года капитализация группы «Евраз» составляла 46,12 млрд. долл., а после 19 ноября составила 1,95 млрд. Огромный кусок промышленной собственности России в результате спекуляций на Лондонской бирже потерял 95,8% своей стоимости.

Разве этот процесс не создает угрозы для российской экономики? По сообщениям прессы, экс-заместитель председателя Госдумы, ныне председатель совета директоров группы «Еврофинанс», Михаил Юрьев на этот счет высказался так: «Сейчас сложно сказать, для каких предприятий будет критично перейти в руки иностранцев, для каких – нет. Вообще, эта проблема не столь актуальная, как ее пытаются представить. Допустим даже, часть заложенных активов за долги перейдет иностранным инвесторам. Ну и что? Сейчас эти активы стоят в разы дешевле, чем суммы долгов. То есть, можно только порадоваться за наших, и пожалеть иностранцев».

В обществе эти сообщения породили напряженность: кто в данный момент является собственником активов российской промышленности? Какая часть их перешла в руки иностранных владельцев? Почему правительство не обнародует этих сведений? Эта неопределенность – фактор дестабилизации.

Переориентация российского хозяйства на внешний рынок привела к важной деформации экономики – *секторному разрыву*. Это потеря народным хозяйством качеств целостной системы: промышленность удовлетворяет потребности мирового хозяйства и перестает обеспечивать материалами и техникой отечественное сельское хозяйство. Село свертывает производство, его основные фонды деградируют, а сельское население переживает социальное бедствие. В начале XX века именно это следствие развития промышленности России в рамках периферийного капитализма создало экономические причины для революции.

Секторный разрыв, созданный реформами 90-х годов, не был так заметен, когда продукция промышленности поставлялась на экспорт, но кризис сделал этот разрыв очевидным.

Вот его проявление. В России выведена из оборота треть посевных площадей и резко сократился объем применения минеральных удобрений (с 9,9 млн. т в 1990 г. до 1,1 млн. т в 1999 г.; после 2000 г. колеблется на уровне 1,3-1,7 млн. т). В

результате импорт продовольствия и сельскохозяйственных продуктов в 2008 г. составил более 35 млрд. долларов. Он составляет около 40% розничной торговли.

Таким образом, в России имеется острая потребность в продовольствии, имеются в избытке земля и рабочая сила для его производства, а также имеется развитое производство минеральных удобрений и техники для сельского хозяйства. Но между промышленностью и сельским хозяйством после 1991 г. возник *разрыв* – в результате новых условий ведения хозяйства. В 2006 г. в страны вне СНГ было экспортировано 74% произведенных минеральных удобрений.

Что произошло в ноябре-декабре 2008 года? Из-за кризиса на внешнем рынке сократился экспорт и было парализовано производство минеральных удобрений в России. В ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4% от уровня ноября 2007 г., в декабре – 64,2% от уровня декабря 2007 г. (а фосфатных удобрений 45%). Производство колесных тракторов в декабре снизилось относительно декабря 2007 г. в 9 раз.

Вот очевидный факт: **крупные отрасли промышленности в результате реформ утратили связь с острыми потребностями народного хозяйства России и жизнеобеспечением ее населения.** Это – фундаментальная предпосылка для углубления кризиса и причина уязвимости экономики. Адекватных действий по ликвидации этого разрыва правительство не предпринимает.

Рост масштабов и углубление бедности. Одним из наиболее разрушительных для России следствием реформы в социальном плане стало *обеднение* большинства граждан. Известно, что в рыночной экономике бедность вызвана не недостатком материальных благ, она – целенаправленно и рационально созданный социальный механизм. Масштаб и глубина бедности сознательно задаются социальной и экономической политикой.

Население России обеднело в силу целого комплекса причин, среди которых важное место занимает изменение типа *распределения доходов*. Это распределение с 1992 года стало аномально неравномерным (см. рис.). При резком снижении среднего значения реальной заработной платы и кардинальном изменении принципов ценообразования оно означало крайнее и быстрое *обеднение* основной массы населения (рис.). Нетрудовые доходы стекались со всей России в очень немногие точки, и по среднедушевым доходам стали резко различаться регионы. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, в 2006 г. составила 10,2 раза.

Стратегическая задача *предупреждения* бедности вообще не была поставлена, не было сделано никаких шагов в решения срочной чрезвычайной задачи – предотвращения крайней бедности. В результате в России возникла *устойчивая бедность* – постоянное состояние значительной части населения. Сложилась уникальная в современно обществе категория «новых бедных» - групп *работающего* населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными.

Искусственное создание бедности в России - колоссальный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове - люди считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни.

К 1996 г. сформировалось «социальное дно», составляющее 10% городского населения. В состав его входят: нищие (3,4 млн.), бездомные (3,3 млн.), беспризорные дети (2,8 млн.) и уличные проститутки (1,3 млн.). Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% - высшее. Сложился и равновесный слой «придонья» (зона доминирования социальной депрессии и социальных катастроф), размеры которого оцениваются в 5% населения). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику».

Важной особенностью российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. конфискации сбережений граждан, приватизации), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда *массивных*, очень *инерционных*, процессов. К ним относятся: ликвидация и деградация рабочих мест; деградация ЖКХ; ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей; угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности; укрепление теневой и криминальной экономики.

Любая антикризисная программа строится исходя из определенных мировоззренческих представлений. Традиционное для России и либеральное понимание бедности – это две полярные мировоззренческие концепции. Планируя борьбу с бедностью в условиях кризиса, правительство не может уклониться от того, чтобы определить свой вектор между этими двумя полюсами.

В.В.Путин сказал в Послании 2003 г.: «Россия должна быть и будет страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений».

Из этой программной формулы исключена мера, что выводит ее за рамки логики. «Честно зарабатывать» и «зарабатывать без ограничений» – вещи несовместимые. Как, например, может «зарабатывать без страха и ограничений» врач или милиционер? Слово «зарабатывать» есть ложное обозначение. Рыночная терминология различает *заработок*, *предпринимательский доход* и *доход на капитал*. Мог ли Р.Абрамович «заработать» за пять лет 12 млрд. долларов? Доходы Абрамовича – не заработок, а доход от изъятия ресурсов из кладовых России и их продажи на внешнем рынке. Если государство допускает такие изъятия и спекуляцию «без страха и ограничений», то не выполняет своих функций даже «ночного сторожа» и ведет дело к кризису. Применяя в обращениях к обществу ложные понятия, власть к тому же подрывает свою легитимность, что усугубляет кризис.

В Послании 2004 г. сделано общее утверждение: «Никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет». В тот момент доходы от нефти маскировали антисоциальный характер этого утверждения. Кризис заставляет вновь определиться. Отношение к бедности как массовому социальному явлению нынешней России - фундаментальный принцип политики. Без пересмотра

этого принципа преодоление кризиса невозможно. Или социал-дарвинизм – или принцип социального государства.

Об антикризисной программе «защиты от бедности» можно сказать следующее.

Предусматриваемые в программе действия можно разделить на две категории: 1) действия по нейтрализации или смягчению кризисных явлений, создающих угрозы для населения в целом; 2) «адресные» действия, направленные на поддержку конкретных специфических общностей.

К первой категории относятся меры по стабилизации и укреплению систем жизнеобеспечения, которые особенно уязвимы во время кризисов. Это системы энерго-, водо- и теплоснабжения, продовольственного снабжения, охраны порядка и гражданской безопасности, контроля за средствами воздействия на массовое сознание (слухов, нагнетания панических страхов, провокаций).

К действиям, направленным на защиту «групп риска», относятся меры по предотвращению массовой безработицы; утраты доходов, собственности и доступа к социальным благам; профилактику или разрешение социальных и других межгрупповых конфликтов с применением насилия; противодействие криминализации конкретных общностей и т.п.

Необходимой аналитической операцией является выявление уязвимых сторон каждой «группы риска» и, одновременно, рисков самоорганизации в этих группах структур, создающих потенциальные угрозы для других групп населения или для государства.

Размеры контингента бедных в России строго не определены, поскольку уровень прожиточного минимума устанавливается в административном порядке. Например, в I квартале 2008 г. Росстат определил численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума как 23 млн. человек или 16,3% населения (в 2007 г. 13,4%). В IV квартале 2007 г. при выборочном обследовании Росстатом 31,1% опрошенных определили свое личное материальное положение как «плохое» и «очень плохое».

А в октябре 2008 г. председатель Совета Федерации С. Миронов заявил, что за чертой бедности живет **треть** населения РФ. Он сказал: «Официальная статистика существенно занижает масштабы бедности российского населения. Реально бедных в России никак не менее трети населения»... Специалисты объяснили, почему официальная статистика отличается от фактической. «У нас занижается прожиточный минимум для пенсионеров (он на 20–30% ниже, чем у трудоспособного населения). За счет этого они искусственно выводятся из категории бедных», – сообщила член комитета Госдумы по бюджету и налогам Оксана Дмитриева».

Особенно тяжелое положение сохраняется в сельских поселениях. Согласно материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств (Росстат), в 2007 г. в сельских поселениях проживали 39,6% домохозяйств России, относящихся к категории «малоимущих», и 53,2% относящихся к категории «крайне бедных», хотя на селе проживало 26,6% населения России¹. При этом

¹ В сельских поселениях в 2007 г. к категории «малоимущих» относились домохозяйства со среднедушевыми располагаемыми ресурсами (денежные доходы

увеличение численности бедных сельских жителей продолжалось постоянно в 2004-2007 гг.

В разряд «малоимущих» и «крайне бедных» переходит значительная часть семей, имеющих детей. В 2007 г. в России 1,5% домохозяйств имели 3 и более детей. Но на эту общность приходилось 4% от всех «малоимущих» домохозяйств России и 9,7% «крайне бедных». То есть, среди семей с тремя детьми крайняя бедность встречалась в 6,5 раз чаще, чем в среднем по всем домохозяйствам России. В семьях с одним ребенком это наблюдалось в полтора раза чаще, чем в среднем, а в семьях с двумя детьми – в 2,2 раза.

Возможности снижать потребление у людей с доходами ниже или вблизи уровня прожиточного минимума очень невелики. Даже сравнительно небольшое сокращение доходов скажется очень болезненно. Речь будет идти об утрате доступа к витальным благам – продовольствию. У бедных нет накоплений на черный день и активов, которые можно продать, поэтому при инфляции или потере работы они столкнутся с нехваткой средств на самое необходимое.

В программе защиты населения важно выявить пороговые точки и критические явления в процессе обеднения, за которыми начинаются лавинообразные цепные процессы (например, вспышки преступности, погромы, «этнические» конфликты с трудовыми мигрантами). Критической точкой в сокращении доступа к жизненным благам является переход от *бедности* к *нищете*. Переход через этот порог резко меняет духовное состояние человека – он «опускает руки». Чтобы помочь человеку удержаться в бедности и не переступить этот порог, нужны очень небольшие ресурсы (даже, скорее, не материальные, а организационные и культурные).

В качестве **ограничения** во все программы можно было бы включить требование, чтобы в ходе кризиса не произошло углубления бедности тех, кто имеет доходы ниже уровня прожиточного минимума, а также увеличения численности «социального дна». Действия по поддержке этой группы риска следует считать чрезвычайными и срочными. Вероятно, это потребует перераспределения средств, то есть, сокращения доходов в *благополучных* (и тем более *богатых*) социальных группах.

Третий контингент, нуждающийся в защите – работники, которые потеряют работу вследствие спада производства и сокращением спроса на товары и услуги в России и на мировом рынке. Согласно опросам конца ноября 2008 г., «почти половина граждан России боятся лишиться работы в следующие три месяца». Председатель комитета Госдумы по международным делам Константин Косачев заявил (25.11.08): «Рост безработицы станет преобладающим трендом в ближайшие шесть месяцев».

Страх перед безработицей сам становится угрозой, воздействуя на сознание как работников, так и работодателей. Вероятно, увольнения и прием на работу будут происходить волнами, что свидетельствует о нестабильности системы.

домохозяйств, суммы израсходованных накоплений и привлеченных заемных средств и стоимость натуральных поступлений) в размере 2417,3 руб., а к категории «крайне бедных» в размере 1392,1 руб.

По оценкам, при сохранении той же динамики увольнений, что в ноябре-декабре 2008 г., к марту 2009 года без работы могли остаться еще 2 млн. человек, то есть, уволено с работы около 3-4% экономически активного населения.

Четвертую большую и чрезвычайно уязвимую группу составляют трудовые мигранты, нанимаемые на теневом рынке рабочей силы (главным образом в строительстве), с грубым нарушением трудового законодательства, часто без минимальных социальных гарантий. Живя далеко от дома, нередко на полуправильном положении, они сплываются в общности, пребывающие в состоянии латентного конфликта с местным населением. Во многих местах массовые увольнения ставят этих работников в отчаянное положение.

Процессы обеднения и утраты работы являются *массивными*, и предлагаемые правительством меры защиты несоизмеримы с их масштабами. Потенциал общественных работ, переучивания и переезда работников в другие местности неадекватен проблеме. Пропаганда по телевидению этих мер как эффективной социальной защиты для миллионов человек вызывает нарастающее раздражение в обществе.

Реальная защита «групп риска» возможна только через создание новых социальных форм, выходящих за рамки рыночных отношений, и за счет мобилизации «дремлющих» бесплатных ресурсов (как, например, земли, солнечной энергии и рабочих рук). Кризис в чрезвычайных ситуациях требует сложения ресурсов, а не их рыночного обмена.

Так, во многих случаях крупное предприятие вместо увольнения рабочих могло бы совместно с сельскими поселениями создать на выведенной из оборота пашне подсобное хозяйство в статусе цеха, где простаивающие работники работали бы во время кризиса вахтовым методом. Организацию таких структур государство могло бы частично финансировать за счет пособий по безработице, полагающихся работникам, которые были бы уволены.

Россия еще обладает важным культурным ресурсом, который может помочь пережить и преодолеть кризис – опытом ведения «безденежного» (по типу «натурального») хозяйства в современном промышленном обществе, а также опытом солидарного переживания бедствий без сбрасывания части населения в крайнюю бедность. Использование или подавление этих ресурсов – политический выбор государства. По нему все социальные группы будут судить о стратегических намерениях власти.

Чрезвычайная угроза - подрыв легитимности государственной власти. Подрыв легитимности нынешней государственной власти, без шансов возникновения дееспособной альтернативной власти через *революцию*, приведет к крупномасштабной системной катастрофе.

В ближайшие один-два года возникнет наложение нескольких кризисов, подрывающих легитимность (авторитет) власти. В этом случае может проявиться кооперативный (синергический) эффект взаимного усиления разнородных факторов. Этот эффект по своей силе нередко во много раз превышает сумму сил всех факторов, действующих поодиночке. Антикризисная программа должна предотвращать кооперативное взаимодействие негативных факторов или

разрушать возникшие зародыши таких кооперативных систем. Это – важнейшее условие успеха.

Авторитет власти определяется двумя «срезами» реальности – *объективными* условиями жизни общества и *восприятием* этой объективной реальности. Оба эти среза важны, а иногда более важным является именно восприятие реальности.

В 90-е годы РФ переживала глубокий кризис легитимности власти. Проявлением его были раскол общества по отношению к режиму Ельцина, вспышки политического насилия, сепаратизм окраин, война в Чечне, аномальные масштабы преступности и коррупции, демографическая катастрофа. После 1999 года этот кризис стал смягчаться и «замораживаться». Программа В.В.Путина была воспринята как преодоление ельцинизма, что успокоило страсти и породило надежды, авторитет власти вырос, хотя равновесие еще не было устойчивым.

Однако после 2000 г. сомнения в легитимности государственного строя не были рассеяны, поскольку массивные процессы деградации основных фондов, систем жизнеобеспечения и социальной сферы продолжались. Положение было стабилизировано тем, что *восприятие* реальности стало более оптимистическим, так как правление В.В.Путина, укрепленное нефтедолларами, оценивалось в сравнении с разрухой и беспорядком 90-х годов.

Теперь же, в условиях кризиса, более мрачными станут и оценка *объективной* реальности, и ее *субъективное* восприятие. Грядущие «тощие» годы будут сравниваться с всплеском конъюнктурного потребления 2003-2008 гг. и с несбывшимися надеждами «эпохи Путина». Если произойдет срыв в программах социальной защиты населения, если будут спровоцированы конфликты по всем трещинам, разделившим общество, то кооперативный эффект самых разных видов недовольства откроет дорогу «оранжевой» коалиции. Для ее усиления в России есть кадры, информационная инфраструктура, идеологические и художественные средства, финансовая и технологическая поддержка из-за рубежа.

Кризис резко обострил и выявил конфликт интересов, расколовший российское общество в 90-е годы и лишь ослабленный потоком нефтедолларов. Сейчас общество находится в ожидании, пока власть определит свою стратегическую линию в этом конфликте. После этого или начнется поиск компромиссов, или поляризация.

В настоящий момент дискурс («язык» в широком смысле слова) государственной власти направлен почти исключительно на поиск консенсуса с благополучной (и даже богатой) частью общества, составляющей небольшое меньшинство населения. Более того, в некоторых заявлениях даже подчеркивается *классовый*, а не *национальный*, характер антикризисных программ. Это ошибочная установка.

В последние годы упор при создании идеологии, легитимирующей современный политический порядок, делается на *средний класс*. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. Сама эта доктрина еще очень сырая, разработка идеологии среднего класса ведется вяло, плодотворной методологии для нее не предложено. Попытка взять для нее за основу классический европейский либерализм была ошибочной, поскольку его философия неадекватна нынешней

реальности. Попытка гибридизации остатков либерализма с Православием и Самодержавием успеха также не имела.

28 ноября 2008 г. программное заявление сделал В. Сурков. Он сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков подчеркнул: «Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления... Потому что российское государство - это его государство. И российская демократия - его. И будущее у них общее. Нужно позаботиться о них. Россия - их страна. Медведев и Путин - их лидеры. И они их в обиду не дадут».

Такая классовая риторика лишает в сознании большинства авторитета любую государственную программу борьбы с кризисом. На каком основании государство собирается «поддержать уровень потребления» среднего класса за счет тех, у кого уровень потребления уже ниже физиологического минимума? На основании того, что «российское государство - это его [среднего класса] государство»? Выходит, для большинства это – *чужое* государство? Вот и готов пусковой двигатель для подрыва легитимности.

Подобные заявления сокращают возможность «кризисной» консолидации общества. Реально, в России уже сложилась система коммуникаций, в которой обмен сообщениями в режиме диалога происходит только между властью и крупным бизнесом. Ряд больших социокультурных общностей *абсолютно* исключен из пространства диалога. И это именно те общности, которые в наибольшей степени способны стать активной силой мобилизационной антикризисной программы.

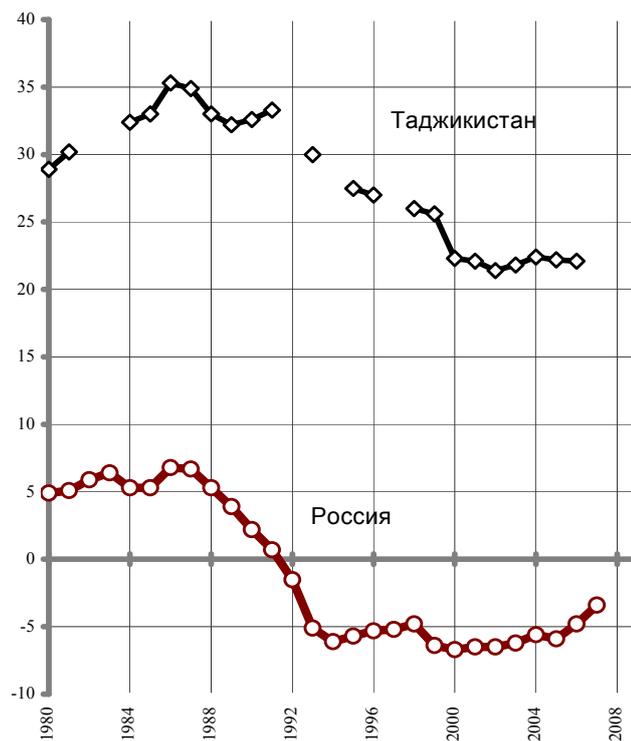

Рис. 1. Естественный прирост (убыль) населения в России и Таджикистане (на 1000 человек населения)

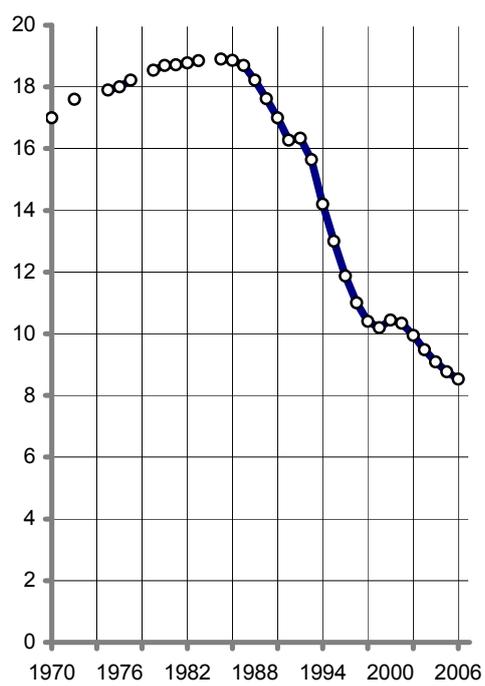

Рис. 2. Численность рабочих в промышленности России, млн.

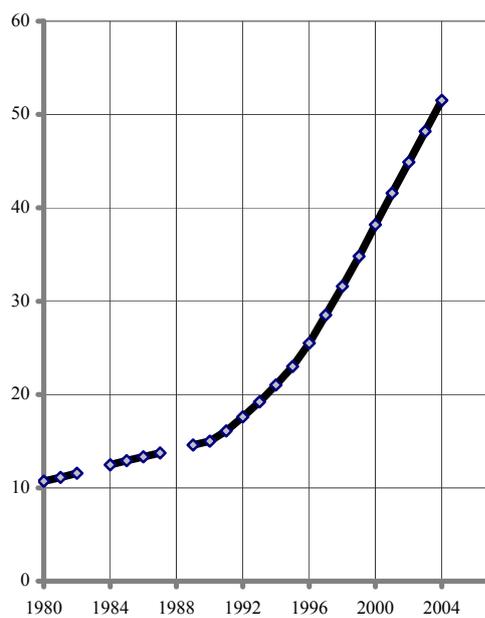

Рис. 3. Доля производственного оборудования в промышленности РФ, имеющего возраст более 20 лет, % (после 2004 г. этот показатель не публикуется).

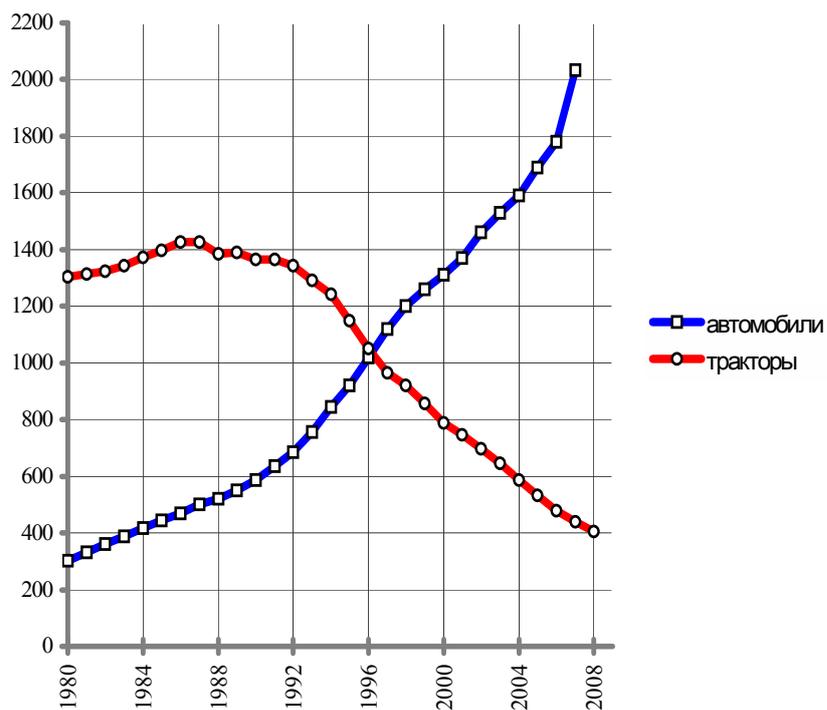

Рис. 4. Число легковых автомобилей в личной собственности (на 10000 человек населения) и парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях (тыс.) в России

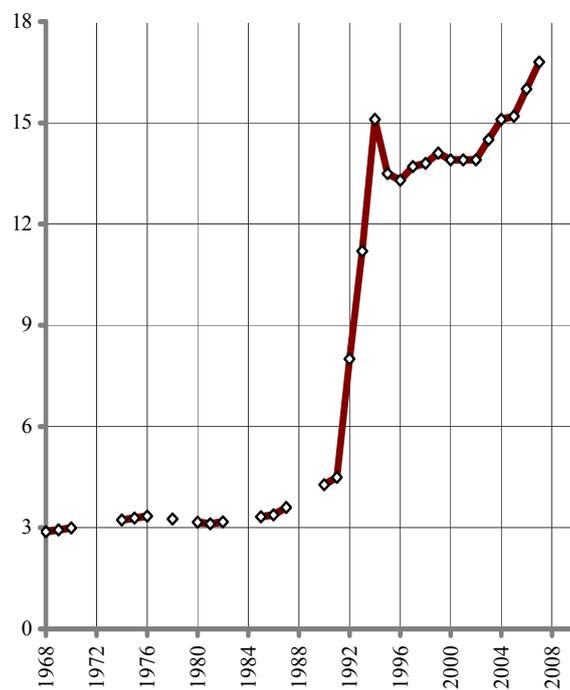

Рис. 5. Расслоение общества по доходам в России: децильный фондовый коэффициент дифференциации (Росстат)

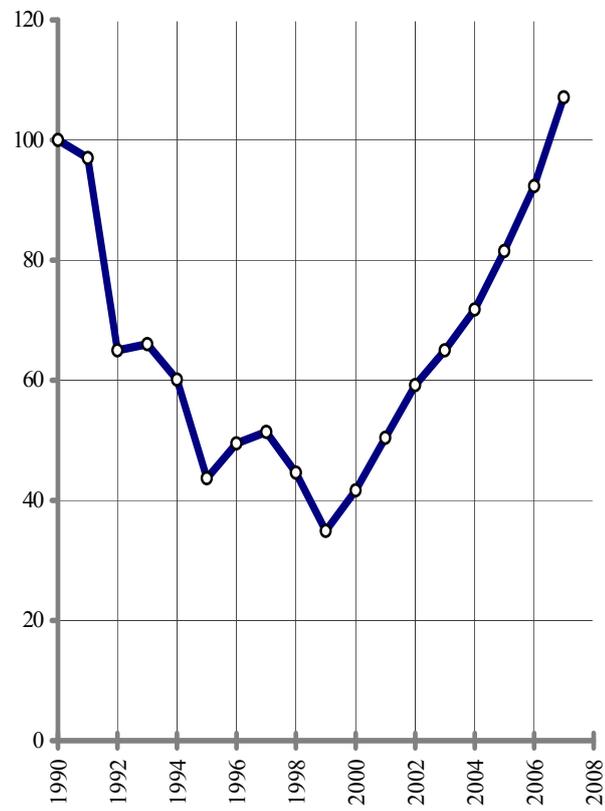

Рис. 6. Индексы реальной заработной платы работников (1990 = 100)